

Глава 2

Искусство неведения

Ты не одинок

Отец был для меня целым миром.

Помню, как однажды мы пошли с ним вдвоем в кофейню «Данкин Донатс» есть пончики. Мы проехали в кроссовках по гладкому скользкому полу прямо к прилавку со сладостями. Отец заказал себе кофе, в котором было больше сливок, чем кофе, а я получила пончик с корицей. Он позволил мне отхлебнуть из своей чашки так же, как однажды разрешил затынуться его трубкой, просто потому что я умоляла его дать мне попробовать. Мы сидели в его коричневом «шевроле», хохотали и дурачились (сыпали на себя и на обивку автомобиля крошки от пончика, расплескивали кофе).

Мне всегда казалось, что мы с папой вместе против всего мира. Или хотя бы против мамы. Они поженились совсем молодыми и были слишком разными. Мама, над которой много издевались в детстве, постоянно искала любви и сочувствия, а папа, примерный еврейский мальчик, привыкший к тому, что мать каждое утро готовила

Глава 2. Искусство неведения

ему завтрак, прежде чем уйти на работу, даже когда ему стукнуло двадцать, жаждал внимания. Он считал, что мир ему чем-то обязан, и хотел, чтобы мама прислуживала ему так же, как это делала его мать, моя бабушка, в своем лучшем платье. Мама так и делала, даже когда это вызывало у нее раздражение.

По злой иронии судьбы, а она часто бывает жестока и несправедлива, отец не проявлял большой любви к маме, а мама так старалась добиться ее, словно вновь оказывалась в своем несчастном детстве. Папа вымещал на маме весь свой гнев, который он испытывал из-за того, что вынужден был каждое утро вставать и ехать в Филадельфию, чтобы управлять магазином мужской одежды, вместо того чтобы работать, например, стендап-комиком. Дело в том, что он вполне мог им стать. Он был обаятельным, остроумным и симпатичным. Но страх мешал отцу воплотить в жизнь свою мечту. Весь день он принимал диетические таблетки и кокаин, а на ночь пил снотворное и успокоительное.

Он выкуривал по восемьдесят сигарет в день. Папа так и не смог преодолеть страх, зависимость от наркотиков и сомнения. Он наверняка тоже внушал себе мысли о том, что он плох, слаб и ни на что не способен. Только когда я выросла, я поняла, что не обязательно ежедневно убивать себя, заниматься нелюбимым делом. Жажда творчества должна быть сильнее потребности чувствовать себя в безопасности. Стоит лишь захотеть. Но отец не хотел ничего менять. По сей день я часто слышу, что Мэлвин Пастилофф был очень смешным, из него вышел бы прекрасный комик. Он умер в 1983 году, много лет прошло с тех пор, но многие и сейчас помнят его как самого смешного человека, которого им довелось повстречать.

Отец не всегда был таким, каким стал под конец жизни. Для мамы он был сказочным принцем до того, как они поженились. Когда папа был в армии, он писал маме прекрасные письма, полные слов «скучаю», «люблю» и «обещаю». Может быть, армия превратила парня из Филадельфии в испуганного маленького мальчика. Или, возможно, он научился жестокости у своей матери.

Мама рассказывала, что, когда отец в первый раз привел ее домой познакомить с родителями, они вошли в кухню, где бабушка, стоя, читала газету. Отец сказал: «Мам, познакомься, это Барбара. Правда, она красавица?» Бабби не сразу оторвалась от газеты, которую читала на идиш. Она взглянула на маму и, слегка пожав плечами, ответила: «Да, ничего».

Меня бы никогда не удовлетворил такой ответ: «ничего». Я всегда хотела стать для кого-нибудь целым миром. Помню, когда мама рассказала мне эту историю, я подумала: «Я бы никогда на такое не согласилась». На самом деле я бы стерпела подобное отношение, и я бы молила о любви, хотя и клялась себе, что никогда не стану такой, как мать.

Каждый вечер в Пеннсаукене папа зачем-то заставлял нас с сестрой маршировать по лестнице, приговаривая: «Ать-два-три-четыре, ать-два-три-четыре». Он, скорее всего, научился этому за то недолгое время, что провел в армии. Одно из его писем к матери заканчивается словами: «Я больше здесь не вынесу. Бег, марш, тренировки, уборка — все это не для меня!»

И это была правда. За всю свою жизнь он и пальцем о палец не ударил, так что необходимость выполнять приказы была для него настоящим кошмаром. Может быть, именно там он выбился из сил и потому так и не добился

Глава 2. Искусство неведения

в жизни того, чего хотел. Он жаждал найти свой путь, но совершенно не представлял, как это сделать, в какой скале пробивать проход. Поэтому родители, как и многие представители того поколения, просто плыли по течению, и это течение принесло их к жизни в пригороде.

Последовав примеру лучших друзей, они уехали из Филадельфии и поселились в пригороде Нью-Джерси. За 38 тысяч долларов они купили дом в Пеннсаукене. Это был дом по соседству с «домом дяди Джона и тети Гвен» — их лучшими друзьями. Годы, проведенные в нем, вспоминаются мне очень счастливыми. Я была всеобщей любимицей.

Хотя отец не был способен искренне любить маму, нас с сестрой он просто обожал, ведь мы боготворили его. Я поклонялась ему до самой его смерти. Мама прислуживала ему не покладая рук, но она не восхищалась им, как мы, как все его друзья. Дома, за закрытыми дверями, он вел себя с мамой довольно грубо, но на улице, на работе, на вечеринках и праздниках папа становился просто душой общества. Конечно, в самом начале их отношений маме нравились его шутки. И не только шутки, еще длинные ноги и голубые глаза. Но больше всего ей хотелось быть чьей-то любимой, рядом с ним мама чувствовала себя в безопасности. Однако чувство это оказалось обманчивым.

В их спальне всегда пахло одеколоном «Ральф Лорен Поло». Отец работал в магазине мужской одежды в центре Филадельфии, где продавал продукцию «Ральф Лорен Поло» всем подряд: случайным прохожим, мужьям-изменникам, музыкантам из знаменитых групп, полицейским,

готовым многое простить, бизнесменам, наркодилерам, снабжавшим его наркотиками.

В комнате пахло еще и натуральной кожей. Вся комната пахла папой. Помню золотую цепочку со звездой Давида у него на шее, выглядывавшую из расстегнутой рубашки, немного вьющихся волос на груди и маленькую впадинку прямо под горлом.

Я постоянно ошивалась в спальне родителей, хихикала над чем-то вместе с папой. Я была его верной наперсницей, приятельницей, подопечной. Я была еще и дочерью, но сама я воспринимала нас скорее друзьями, а маму — врагом. Вот как отец это формулировал: «Ты и я, детка! Ты и я». Такой была наша дружба: Бонни и Клайд, неразлейвода, птицы одного полета. Мы придумали секретные знаки, понятные только нам. Например, прижать палец к ноздре и сказать гнусаво, как смурфик из мультика: «Понимаешь, о чем я?» Я боготворила отца.

Еще я считала, что раз я — папина дочка, то Рейчел — мамина. Это было ясно без слов. Когда он умер, мама сказала: «Знаю, ты бы хотела, чтобы умерла я, а не он», — и я промолчала в ответ. Потом я поняла, что она старалась изо всех сил, делала все, что могла, и что неуверенность в себе не позволяла ей противостоять отцу. Иначе бы она сказала: «Сам вари свой проклятый кофе. Сам завязывай себе галстуки и перестань внушать Дженнифер, что я — плохой человек!» Вместо этого папа разбил нашу семью на два враждующих лагеря, и ей приходилось готовить обед и наливать ему пепси, не спуская с рук малышку Рейчел. Сестре было пять, когда он умер, она почти ничего не помнит и завидует мне, что я столько времени провела с отцом. Сейчас, когда мы разговариваем по телефону, мы пытаемся вспомнить его

голос и понять, что же тогда на самом деле происходило. Ни одна из нас этого до конца не понимает.

Трудно непредвзято оценивать события, когда дело касается личных воспоминаний.

Побег от любви

Незадолго до смерти отец закрутил роман с женщиной, которая очень сильно красилась. Они встретились в центральном магазине Филадельфии, где он, используя все свое очарование и чувство юмора, продавал дорогие костюмы и одеколон марки «Поло». Однажды днем, когда я сидела на диване в гостиной и смотрела «Рыцаря дорог»¹, мама рассказала мне, что у отца роман с другой женщиной. Она сказала: «Твой отец изменил мне с (нецензурное выражение), и я ухожу от него». В тот момент я представляла, что сижу за рулем машины, точно такой же, как в сериале «Рыцарь дорог», но укатить прочь от того, что сказала мама, я не могла. Невозможно было поверить, что отец предал нас ради тощей девицы, осветлявшей волосы, красившей веки и совсем не похожей ни на одну из нас: ни на меня, ни на сестру, ни на маму. Я знала эту женщину, мы познакомились с ней, когда ездили в Филадельфию в папин магазин, она всегда была очень приветлива и со мной, и с Рейчел. Мы были знакомы со всеми продавцами магазина. Мэла любили на работе, всем хотелось познакомиться с его детьми и постараться им понравиться.

«Интересно, — думала я, — все ли мужья так поступают с женами? Бросит ли нас отец ради „дамы с тенями“?»

¹ Популярный американский телесериал 1980-х годов. — Прим. ред.

Может быть, ему кажется, что мы недостаточно красивы, и потому он нашел себе привлекательную женщину?»

Как-то я нашла письма от «дамы с тенями», адресованные отцу. Каким-то образом они сохранились в коробке с фотографиями, пережили множество переездов и смертей. Я обнаружила их уже в Калифорнии. К тому времени прошло два года со смерти отца, но я испытала такой прилив ярости, что она стала почти зримой и нависла надо мной. Гнев сдавил мне горло, так что я едва не задохнулась. Мне захотелось поехать в Филадельфию и рассказать все ее мужу. Мне захотелось разрушить ее жизнь. Вместо этого я порвала письма.

Сейчас я жалею о том, что сделала.

Сегодня я изучала бы их, как это сделал бы ученый. Они помогли бы мне понять, каким на самом деле был отец, какой была его любовь. Я не знаю, были ли они влюблены друг в друга, но, став взрослой, я понимаю, что и такая любовь возможна. Думаю, что, если бы я сохранила письма, я бы узнала в них и себя.

Но я была ребенком, и я боялась, что он разлюбит меня, что мы больше не будем друзьями, что я останусь в одиночестве, а мне так этого не хотелось. Больше всего на свете я боялась (разве не все этого боятся?) остаться одной. И мама, и папа добивались моего внимания, но мне нужен был только отец. Если бы они развелись, не сомневаюсь, что осталась бы с папой. Как мама делала вид, что не помнит о печальных моментах своего детства, я «позабыла» о проступках отца. Я научилась от мамы искусству неведения, которое довольно сильно испортило мне жизнь.

Бегство и любовь сплелись в клубок, и из него выросли неведение, игнорирование, притворство. Неведение

Глава 2. Искусство неведения

стало основной темой моей жизни. Например, потеря слуха. Она прогрессировала. Чем старше я становилась, тем хуже слышала и все же притворялась, что ничего не замечаю. Когда я была маленькой, это было несложно, просто легкий шум в ушах, на который можно было не обращать внимания. Я никому о нем не рассказывала. Позже, если я чувствовала горе, тяжесть, шок или гнев, я голодала или шла в спортзал, выпивала много вина или засыпала. Я предпочитала не замечать. Я научилась этому в детстве, и это помогло мне выжить, стать взрослой. Но в какой-то момент неведение перестало помогать. С тех пор я научилась смотреть в лицо проблемам и обнаружила, что по-прежнему жива. «Я вижу тебя», — говорю я печали. «Я слышу тебя», — сообщаю я глухоте. У меня тоже есть чувство юмора. И я начала действовать. Я перестала притворяться, что ничего не чувствую. Я начала рассказывать о себе всем, кто был готов меня выслушать: в блогах, в интернете, в эссе, на своих семинарах. Я попросила и других поделиться тем, что, по их мнению, убивает их. И они так и сделали. И столько всего открылось: смерти детей, родителей, любовников, выкидыши, затопленные дома, депрессия, стыд, анорексия. И люди, перенесшие все это, до сих пор живы. Жаль, что я не могу пригласить на семинар отца. Я бы хотела узнать, какие демоны жили в его душе и так ли сильно они отличались от моих. Узнать, насколько сильно он хотел сбежать от самого себя, добиться всеобщей любви и диктовать миру собственные условия. Как же он был напуган! Я бы попросила его развеселить всех на семинаре. Возможно, мы бы организовали специальное мероприятие и доказали бы, что наследственная травма — это реальная проблема, но изменить свою жизнь вполне возможно. Взгляните на нас!

Отец и дочь, все еще живы, все еще вместе завоевывают мир! Приходите на наш семинар и сражайтесь со своими демонами всей семьей!

На семинарах я призываю смотреть правде в глаза. Мы держимся за руки, чтобы не было совсем страшно, и потому что только вместе мы можем противостоять проблемам. Рам Дасс¹ сказал: «В конце концов, мы просто провозжаем друг друга домой». Это то же, что «я тебя понял».

СЧАСТЛИВЫЙ ДОМ

Я никогда не забуду, как пахла кухня, когда я вошла в нее в тот день и обнаружила, что она полна народу. И все без выражения смотрели на меня. Гвен, Джон, тетя Хани, Кармел и Энтони из соседнего дома, Бланш и ее слепой пес Пеппер из дома напротив, Бонни и Джо из дома вниз по улице, влюбленные, которые жили неподалеку. Я сразу поняла, о чем говорят эти пустые лица, что хотят они сказать мне, восьмилетней.

«Твой отец умер».

Но вместо этого они говорят: «Присядь, Дженнифер».

Я осталась стоять. Я не села. На мне была футболка с изображением «Энни»² из фильма, которую нарисовала мама моей подруги. Я носила ее каждый день. Над оранжевыми волосами Энни красовалась оранжевая надпись:

¹ Американский гуру, психолог и писатель. Автор бестселлера «Будь здесь и сейчас» (1971). — *Прим. ред.*

² «Энни» — американский семейный мюзикл 1982 года режиссера Джона Хьюстона по комиксу «Маленькая сиротка Энни» Гарольда Грея и бродвейской постановке «Энни» Томаса Михана. — *Прим. ред.*

«Дженнифер любит». У Энни были большие пустые глаза без зрачков, ресниц и бровей. Из карманов торчала бумага, исписанная моими каракулями. На ногах были кроссовки с липучкой сверху. Я нагнулась, отлепила липучку, потом приклеила ее обратно.

«Кое-что произошло...»

Я вновь отлепила липучку и приклеила ее на место.

«Вот, возьми пончик», — наверняка сказал кто-то из них.

Мама никогда не разрешала нам есть пончики. На завтрак мы ели хлопья без сахара, которые покупали в ближайшем магазине здорового питания (сейчас их заменили супермаркеты «Хол фудс»¹). Папа пил пепси из высоких охлажденных стаканов и ел вафли с шоколадным мороженым каждый вечер перед сном, но остальные питались только цельнозерновым хлебом, хлопьями без сахара и другой дрянью, по вкусу напоминавшей картон. Мама никогда не покупала пончики, поэтому я сразу все поняла, как только вошла в кухню. Коробки из-под пончиков просто кричали о несчастье, как если бы я вошла сразу в морг.

Именно в этот момент, когда воздух был полон густым запахом сладких пончиков и все просили меня присесть, я научилась замыкаться в себе и продолжать двигаться вперед.

Я как будто отключилась, перестала что-либо чувствовать. Вся кухня пропахла выпечкой, вокруг меня стояли люди с бледными лицами, словно страдающие от морской болезни, и мне пришлось ухватиться за стойку, потому что

¹ Американская сеть супермаркетов, органических продуктов питания (без искусственных консервантов, красителей, усилителей вкуса и т. п.). — *Прим. ред.*